

Э. А. К. Васянский

ИММАНУИЛ КАНТ
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
ЖИЗНИ¹

Иммануил Кант, штатный университетский преподаватель логики и метафизики в Кёнигсберге, не только был уважаем в свою эпоху, но будет также и для потомков оставаться незабвенным и бесспорно удерживать свое место в ряду великих людей. Его почитают как ученого, принимая во внимание его владение огромным объемом знаний во многих разделах наук, зачастую очень различных; или как мыслителя, учитывая количество и основательность опубликованных им сочинений; или как человека за его истине благородный, великодушный, человеколюбивый и при этом такой скромный характер; или, наконец, как друга и собеседника за его манеру изысканно, любезно, приятно, занимательно и гуманно общаться — так что он должен оставаться объектом восхищения и уважения для любого, кто не ослеплен ревностью и самолюбием и не сбит с толку раздражением и пристрастностью. Что касается его как ученого и мыслителя, то не будет недостатка в людях, которые за это восхвалят. Все великое восхищает, непреодолимо притягивает любого, кто ценит истину и добро, склоняет его с удовольствием задержаться у превосходных, исключительных объектов и не позволяет сдерживать в себе чувство волнения; переполненная грудь рождает стремление поделиться этим и щедро и охотно отдаст все, что она приняла, чтобы обрести сопереживающих. Это определенно имеет место и в случае с *Кантом*, чью биографию, не дожидаясь его смерти, издали уже при жизни. Я не берусь судить о том, был бы *Кант* доволен этой биографией или нашли бы его почитатели в ней то, что они желают. Но все его друзья знают, что на сообщение о ней он отзывался с большим недовольством.

¹ Перевод с немецкого текста Э.А.К. Васянского осуществлен в рамках проекта «Центр переводов и межкультурной коммуникации» федеральной программы развития БФУ им. И. Канта и выполнен по изданию: *Immanuel Kant: sein Leben in Darstellung von Zeitgenossen. Die Biogr. von L.E. Borowski, R.B. Jachmann und E.A. Ch. Wasianski / Hrsg. von F. Gross ; Einl. von R. Malter. Darmstadt, 1993. S. 191 – 271.*

В отношении изображений *Канта* как ученого и мыслителя опасения за ошибки художников невелики, потому что его сочинения являются очень богатым источником для черпания информации биографом. Если он знаком с предметом, которому посвятил себя *Кант*; если он сам стремится исследовать первоосновы человеческого знания; если он сам проявляется как мыслитель; если он достаточно непредвзят, чтобы признать заслуги *Канта* перед истиной; если он знает изыскания эпохи, в которой *Кант* сформировался, и если он может оценить охват человеческого знания, то можно не опасаться, что изображение великого ученого и редкостного мыслителя введет его в заблуждение. Совсем иначе обстоит дело с характером, стилем мышления и поведения замечательного человека и писателя. Его сочинения зачастую содержат лишь малые следы этого, и кто может поручиться за то, что разум и душа не противоречили друг другу? Разве кто не знает, что писатели часто отлично выражают хорошее, а поступают все равно плохо? Характер человека можно расшифровать только в тщательном, беспристрастном, а вернее всего в ежедневном наблюдении его разных причуд и мельчайших привычек. То, что кажется незначительным, иногда может пролить много света на человека и указать на его оригинальность. Однако отдельных проявлений зачастую недостаточно для этого, и лишь их общая сумма позволяет извлечь из них решающие и удовлетворительные результаты. Разве не относится к этому близкое и долгое знакомство, даже доверительные отношения, которые не каждому могут удасться? Поведение человека нужно видеть не только в тех ситуациях, где он знает, что за ним наблюдают, но и в тех, когда он среди своих и без оглядки на наблюдателя отдается искренним порывам своей души. Как сильно при этом сужается круг тех, кто с достоверностью может что-то сказать о характере выдающегося человека!

Характеристике *Канта* присуще особое свойство, как можно отчасти судить по анекдотам, которые еще при его жизни появлялись там и сям в открытой печати и содержали слишком явные признаки искажения, так как их либо черпали из ненадежных источников, либо по традиции преувеличивали или же так как рассказчик порой привносил в них свои собственные фантазии, образ мыслей и взгляды. В таких характеристиках *Канта* не будет недостатка и в будущем, и с высшей степенью вероятности мир ученых будет одарен многими собраниями оных.

Тревога за подобные явления и желание некоторых друзей прочесть что-нибудь абсолютно достоверное о последних годах жизни *Канта* от очевидца побудили меня заполнить эти немногочисленные страницы. Заранее это не планировалось. Но когда в последние дни его жизни повсюду распространились противоречивые слухи о великом человеке, которые его отчасти унижали и вынуждали меня устно опровергать их, ввиду моего близкого знакомства с ним стал очевидным мой почти непреложный долг сообщить мои наблюдения и опыт также письменно и таким образом предотвратить многочисленные заметки, которыми могли бы быть обмануты даже поклонники *Канта*. Могло ли не задеть всех его друзей то, что непрошенные торговцы анекдотами изображают человеческие слабости великого мужа как пятна на его чистой душе и его беспорочном характере? Отважился бы себялюбивый остряк еще больше злорадствовать над мертвым львом, если бы мог совершенно не опасаться, что другой, знавший и наблюдавший *Канта* ближе, чем он, может открыть всю беспочвенность его утверждений?

Возможно, что представление *Канта* в его домашней обстановке, в узком кругу его поверенных, как хозяина, в обращении с его прислугой и даже как дряхлого старика дало бы повод для некоторых антропологических и психологических наблюдений. Кроме того, я по опыту знаю, что особенно осведомлялись о его мельчайших привычках и домашнем уставе проезжие путешественники. Все это, надеюсь, меня оправдает, если человека, сыгравшего с едва ли не полным успехом главную роль на большой сцене ученого мира, я покажу без грима и блеска, как будто в одном лишь неглиже. Недостатков в его поведении в домашних стенах я могу по меньшей мере не опасаться, потому что он во всем был любезен. Несомненно, есть те, кто хотел бы познакомиться с Кантом ближе, чем только по его сочинениям, и увидеть его более чем с одной стороны, чтобы узнать не только великого мужа, но также и человека с его человеческими слабостями. Художник, желающий верно передать черты оригинала, наблюдает его в нескольких ситуациях, в разных позах, не пропуская при этом и темные стороны, чтобы уж верно изобразить все, а не составить китайскую искаженную картину, как если пропускать тени или не тонировать картину слишком темно и мрачно, если наносить их слишком обильно.

У *Канта*, как человека, тоже были свои теньевые слабости, которые, однако, ничего не смогли и не смогут отнять от ясности и очевидности его светлых сторон. Большинство этих слабостей были не его виной, а следствиями природы человека, достигшего большого возраста. Их наступлению, хотя и медленному, но могущественному, конечно, не могли воспрепятствовать ни величие его духа, ни большая сила его воспитания, ни уж тем более его доброта. Восемьдесят лет он брел по кругу своей жизни; что уж тут удивительного, если в круге он наконец вернулся к точке, из которой вышел! Тот, от которого разошлось так много лучей света, он и в своих слабостях продолжал светить, как солнце при затмении, когда кажется, будто оно само светить перестает. И он не утратил своего свечения так, как убывающая луна перестает отражать чужой свет. Будучи далеко не в состоянии представить нечто похожее на биографию *Канта*, эти страницы должны не служить вкладом для его биографов, а ограничиться лишь тем, чего другие, имея больше проницательности, таланта и сведений о *Канте*, все же не могут знать настолько точно, а также тем, что они, ссылаясь на него, возможно хотели бы иметь в распоряжении, как полагается биографу. Ученому кое-что из того, что я хочу сообщить, может показаться неинтересным, и напротив, многие его друзья, не видевшие его в последние годы жизни, и вообще часть публики очень хотели бы, чтобы даже и это, кажущееся незначительным, не было утеряно. И если биограф с известной самоотверженностью и самоотреченностью во имя своего высокого искусства возьмется приводить частные обстоятельства, мелкие привычки и высказывания *Канта*, то где он их найдет, если их не предоставит тот, кто был с *Кантом* на равных и не отходил от него ни на шаг, как я, по тем обстоятельствам, которые сложились у него в его последние годы.

Вот как и почему я хотел бы, чтобы расценивали эти заметки. Их ценность состоит в чистейшей и неподдельнейшей правде, от которой меня не должны отвести ни прикрасы, ни преувеличения, пока я буду тщательно следить за собой, чтобы и против моей воли не прокралась какая-либо неправда. К тому же я пишу перед глазами людей, из коих некоторые виделись с ним один или больше раз в неделю и внимательно наблюдали, и чьи

протесты не допустят неистинных утверждений. Но и они узнают, что некоторые суждения *Канта* в последние годы его жизни и в разное время были изменчивы и что мне он сообщал кое-что такое, о чем другим умалчивал.

Эти записи можно было бы сделать интереснее, если в некоторых анекдотах о *Канте* приукрасить или преувеличить то или иное обстоятельство. Но тот, кто делает первый ход, должен держаться истины, а хочется как раз от этого отклониться, если именно такая строгость в донесении истины приведет меня к необходимости покинуть мое тихое уединение и показаться публике больше, чем я хотел бы.

Некоторые благородные черты души *Канта*, некоторые его благодарные высказывания в мой адрес придется опустить, если я чрезмерно воздержусь от повествования о себе самом. Но меня не поймут, если эти случаи припишут моему тщеславию и выведут их из мелочной страсти присоединить себя к великому человеку и таким образом получить немного его славы. Это далеко не мое; *Кант* подарил мне свое доверие. Сделал ли я себя достойным его, сделал ли я то, что положено делать в тех обстоятельствах, в тех отношениях, в которых я имел счастье состоять с ним, и в таком положении, оценят его еще живущие друзья. По их прежним высказываниям, я могу рассчитывать на их одобрение, так как я выслушал их мнения в отношении моей затеи и честно и благодарно последовал их практическим предложениям и поправкам.

Перейдем же к теме, и сперва вопрос: что привело меня к *Канту*?

Мое знакомство с ним завязалось не в последнюю пору его жизни, и не одно десятилетие ушло на установление доверия. В 1773 или 1774 г. (точно не помню) я стал его слушателем, а позже секретарем, благодаря чему я затем вошел с ним в более тесный контакт, чем остальные слушатели. Он позволял мне посещать его лекции безвозмездно и без разрешения. В 1780 г. я покинул университет и стал проповедником. Хотя я остался в Кёнигсберге, в новом одеянии я, казалось, был если и не полностью забыт *Кантом*, то все же по меньшей мере уже не знаком для него. В 1790 г. мы с ним снова встретились на свадьбе одного из местных профессоров. За столом *Кант* общался со всей компанией; а когда после трапезы каждый выбирал себе собеседника, он по-дружески подсел ко мне и говорил со мной о моем тогдашнем увлечении, цветоводстве, с большим знанием дела, и к моему величайшему изумлению показал полную осведомленность о моем положении; при этом он вспомнил о былых временах, выразил свое благосклонное участие по поводу моего довольства нынешними обстоятельствами и заодно пожелание, чтобы я, если позволит мое время, принял приглашение пообедать с ним. Когда он вскоре после этого собирался покинуть компанию, предложил мне, так как нам было по пути, поехать к нему домой. Я принял это предложение, сопровождал его, был приглашен к нему на следующей неделе и должен был тут же определить, какой день недели для меня самый удобный, чтобы принимать его последующие приглашения. Обходительное обращение *Канта* со мной было для меня необъяснимым. Сначала я предположил, что кто-то из моих добрых друзей сказал ему обо мне больше хорошего, чем я заслуживаю; но дальнейший опыт общения с ним показал, что он часто наводил справки о судьбе своих бывших слушателей и искренне радовался, если она складывалась хорошо. Значит, и меня он не совсем забыл.

Это возобновленное знакомство с ним почти совпало с тем временем, когда он изменил порядок своей домашней жизни. До этого он принимал пищу на табльдоте; теперь он завел свое собственное домашнее хозяйство и ежедневно приглашал двоих своих друзей, а по каким-нибудь маленьким праздникам и пятерых, так как он строго соблюдал правило, согласно которому его компания за столом, считая его самого, должна быть не меньше числа граций и не больше числа муз. Вообще его экономический уклад и, особенно, его стол несли в себе что-то своеобразное, оригинальное и в некоторых элементах отличавшееся от будничного уклада и велений общепринятого тона, но без пренебрежения к зажиточности, которым иногда страдают компании, в которых отсутствуют дамы. Когда еда была готова, *Лампе*, в определенном темпе открывая двери, входил в комнату со словами: «Суп на столе». Этому призыву быстро повиновались, и обычная по пути в столовую беседа о текущей погоде продолжалась еще в начале трапезы. О главных событиях дня, о победах и заключении мира было принято говорить не ранее, чем за столом. С предметами разговора *Кант* обращался бережливо и желал, чтобы они обсуждались по очереди. Его рабочий кабинет никогда не был местом, где говорилось о вещах политических. Но когда он присаживался за стол, по *Канту* было совершенно ясно видно, что после долгой и усердной работы он радуется еде и общению.

Его «ну что ж, господа», когда он садился на стул и брал салфетку, несомненно, показывало, как работа улаживает трапезу. Его стол состоял из трех блюд, небольшого десерта и вина. Каждый сам клал себе еду, и так называемое приветствование при этом было ему настолько неприятно, что он почти каждый раз, хотя и скромно, пресекал его. Он находил неприятным, если ели мало, и считал это жеманством. Первый взявший блюдо был для него самым приятным гостем, потому что тем скорее к нему подходила очередь угощаться. Любого промедления при этом он старался избежать, так как уже с раннего утра работал и до обеда еще ничего не ел. Поэтому он, особенно в последнее время, скорее от некоторого недомогания, чем от сильного голода, едва ли мог дожидаться, когда придет последний гость.

День обеда с ним был праздником для его сотрапезников. Приятные наставления, при которых он, однако, не напускал на себя менторский вид, украшали обед, коротали время с часу до четырех-пяти часов, а часто и больше, со значительной пользой и не давали скучать. Он не терпел затишья, как он называл те мгновения, в которых разговор становился менее живым. Он умел постоянно поддерживать всеобщую беседу, у каждого заметить его увлечение и участливо об этом поговорить. Городские происшествия должны были быть уж очень заметными, чтобы их упомянули за его столом. Почти никогда разговор не касался предметов критической философии. Он не впадал в ошибку нетерпимости к тем, у кого не было с ним общего любимого занятия, как часто случалось с некоторыми другими учеными. Его общение было построено настолько популярно, что если бы его не представили кому-то постороннему, кто читал его сочинения, то из разговора тот бы вряд ли догадался, что рассказчик — *Кант*. Когда разговор затрагивал предметы психологии, анатомии или нравы определенных народов и если при этом упоминались такие вещи, которые при легкомыслии, пожалуй, могли бы стать сальностью, то об этом говорилось с та-

кой серьезностью, которая показывала, что не только с ним это имеет место быть, но что он и в отношении своих компаньонов с уверенностью предполагает следующее: *sunt castis omnia casta*².

(Продолжение следует)

Перевод А. С. Зильбера под ред. И. Д. Концева

Послесловие к публикации

И. Кант стал широко известным в академических и светских кругах уже задолго до начала «критического» периода его творчества. Первая попытка составить описание его жизни и философских принципов была предпринята в 1769 г. (Канту 45 лет) профессором истории из Галле, К. Р. Хаузенем. Его письмо с рядом вопросов относительно фактов биографии и взглядов Кант оставил без ответа. С 1790 по 1802 г. без ведома мыслителя были изданы три очерка его жизни. Реакцией философа, насколько нам известно, были недовольство или равнодушие к ним. Но ученикам Канта все же удалось с его разрешения и в диалоге с ним собрать некоторую информацию, которую опубликовали уже после смерти профессора.

С инициативой такой публикации выступил после смерти Канта кёнигсбергский издатель его последних сочинений Ф. Николовиус (1768—1836). В 1804 г. он напечатал одной книгой три биографии, дополняющие друг друга. Все они представлены учениками Канта, каждая из них освещает главным образом только один из периодов его жизни. Л. Э. Боровский хорошо знал Канта-магистра, слушал его первые лекции. В 1792 г. Кант одобрил биографический набросок, составленный им, но попросил отложить публикацию до своей смерти. Наиболее интересная и неформальная вторая половина этой биографии написана уже в 1804-м, хотя и по ранним воспоминаниям. Р. Б. Яхманн в своих воображаемых письмах, начатых по инициативе самого Канта около 1800 г., описывает философа прежде всего в расцвете творчества. Наконец, Э. А. К. Васянский подробно повествует о последних годах и днях жизни профессора, которому он фактически был опекуном.

Указанные три первые посмертные свидетельства о Канте были намного полнее и достовернее, чем опубликованные при его жизни. Несмотря на недостатки, они не потеряли свою ценность даже после дальнейших биографических публикаций о Канте в 1804—1805 гг. и послужили ценным источником для всех более поздних биографов.

Эреготт Андреас Кристоф Васянский (1755—1831) родился и вырос в Кёнигсберге, в 1772-м поступил на теологический факультет Альбертины. Помимо специальности его интересовали естественные науки и медицина. Будучи еще студентом, он время от времени помогал Канту как личный секретарь и за это мог бесплатно посещать его лекции. Проработав некоторое время в данной роли, он в 1780 г. оставил университет и перешел на церковную службу, став кантором, позднее диаконом и, наконец, пастором в Трагхаймер-кирхе в Кёнигсберге, где до самого разрушения города висел

² Для непорочных всё непорочно. — *Примеч. пер.*

его портрет. Общение с Кантом при этом было прервано, но возобновилось через десять лет: в 1790 г. они случайно встретились на свадьбе профессора философии К.Л. Першке (1752–1812). По приглашению Канта Васянский стал его сотрапезником, затем близким другом и душеприказчиком. Все перечисленные обстоятельства он сам подробнее упоминает в биографии.

Текст Васянского, который предлагается вниманию читателей журнала, не лишен литературных достоинств, сочетает краткость и точность с выразительностью. Психологическая точность описаний дала всем позднейшим исследователям материал для оценки личности философа. Строгой структуры в повествовании нет, хронология событий чередуется с отступлениями, всегда вполне уместными. К дружественному характеру воспоминаний добавляется то, что, несмотря на свой род занятий и убеждения, автор постарался быть максимально объективным и лишь в одном абзаце сдержанно изложил свои мысли о взглядах Канта на религию.

А. С. Зильбер

О переводчиках

Зильбер Андрей Сергеевич — ст. преп. кафедры философии и культурологии Калининградского государственного технического университета, a-zilb@ya.ru

Копцев Иван Демьянович — д-р филол. наук, проф. кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Балтийского федерального университета им. И. Канта, ivan.kopcev@mail.ru

About translators

Andrey Zilber, senior teacher, Department of Philosophy and Culturology, Kaliningrad State Technical University, a-zilb@ya.ru

Prof. Ivan Koptsev, Department of Language Theory and Cross-Cultural Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, ivan.kopcev@mail.ru